

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Кричащая лестница

Шепчущий череп

Призрачный двойник

Крадущаяся тень

Пустая могила

I Гробница

1

Хотите послушать историю о призраках? Что ж, хорошо, у меня есть в запасе несколько таких.

Как насчет синего, с размытыми чертами лица, прижавшегося к окошку подвала? Или призрака слепца с тросточкой, сделанной из детских костей? Или адского лебедя, который шел следом за мной через ночной пустынный, мокрый от дождя парк? О, а как насчет огромного рта, вдруг раскрывшегося передо мной прямо на цементном полу? Или наполненного кровью молочника? А что скажете о пустой ванне, из которой по ночам доносятся жуткое бульканье и хрипы? Если хотите, могу рассказать вам о призрачной детской колыбели и спрятанном внутри дымохода скелете. А может, хотите послушать рассказ о злобной призрачной свинье с торчащей щетиной и огромными желтыми клыками, которая ломится в застекленную дверь душевой кабинки?

Пожалуйста, выбирайте. Все эти истории я не выдумала, они случились со мной наяву на протяжении всего лишь одного месяца, и хочу заметить, что это совершенно обычное дело, если ты работаешь оперативником в агентстве парапсихологических расследований «Локвуд и компания». Большинство этих историй, случившихся тем бесконечно долгим и страшным летом, записано в журнал нашего агентства, который наутро после очередного расследования лениво заполняет Джордж, прихлебывая горячий чай из своей

кружки. Он записывает эти истории в нашей гостиной, сидя на ковре, подогнув под себя голые ноги. Между прочим, вид сидящего в одних трусах Джорджа может вывести из душевного равновесия быстрее, чем все перечисленные выше привидения, вместе взятые.

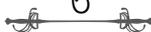
Кстати, этот наш «Черный журнал», как вы, возможно, уже знаете, был тщательно скопирован и хранится теперь в Национальном архиве, в недавно созданной Галерее Энтони Локвуда. Хотите в связи с этим две новости — хорошую и плохую? Пожалуйста. Хорошая новость: листовая копия нашего журнала, вы не наткнетесь ни на жирные отпечатки пальцев Джорджа, ни на оставшиеся после него крошки чипсов и печенья. Плохая — в «Черном журнале» записаны не все наши расследования. Один случай был настолько ужасный, что Джордж просто не решился занести его в наш дневник.

О том, чем закончилось то расследование, вы, конечно, знаете. Это всем известно. Весь город видел в то зловещее утро, как дымятся развалины Дома Фиттис, среди которых все еще оставались лежать неубранные трупы. Да, этот финал известен всем. А с чего все началось? О, об этом, пожалуй, не знает никто, кроме нас, оперативников агентства «Локвуд и компания». Это скрытая от всех история, в которой есть убийства и семейные тайны, предательство, ложь... ну и призраки тоже, конечно. Услышать эту историю можно лишь от одного из тех, кто остался тогда в живых, поэтому, как я понимаю, вы и пришли ко мне.

Хорошо. Меня зовут Люси Джоан Карлайл. Я умею разговаривать как с живыми, так и с мертвыми и, честно говоря, все чаще не нахожу разницы между ними.

Итак, вот вам история от начала до конца. А вот и я сама два месяца назад.

На мне все черное — куртка, юбка и легинсы, на ногах тяжелые рабочие башмаки, в которых и крышку гроба удоб-

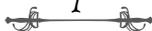
но сбить, и из могилы легко выбраться. Само собой, у меня на поясе на петле-липучке висит рапира, грудь перепоясана патронташем, кармашки которого набиты магниевыми вспышками и солевыми бомбами. На моей куртке виден отпечаток призрачной руки. Стрижка у меня короче, чем прежде, хотя и этот трюк не помогает скрыть пряди, в которых появилась седина. Ну а если не считать этих мелочей, во всем остальном я выгляжу так же, как всегда, — оперативница, готовая приступить к очередному парапсихологическому расследованию. Проще говоря, к своей обычной, повседневной работе.

Хотя правильнее сказать — к еженощной, потому что во внешнем мире сейчас не день, а ночь, на небе высыпали звезды. Дневное тепло сменилось ночной прохладой. Со всем недавно минула полночь, и наступило время, когда по улицам бродят призраки, а добропорядочные горожане спят в своих домах с закрытыми железными ставнями на окнах.

Ну а я, разумеется, не сплю. Я работаю. Точнее, ползаю, задрав кверху свою пятую точку, по каменным плитам внутри мавзолея Фиттис.

В свое оправдание и справедливости ради отмечу, что я не сошла с ума и ползаю здесь не в одиночестве. Вместе со мной по мавзолею ползают Локвуд, Джордж и Холли. Все мы передвигаемся на четвереньках, точнее сказать — на трех конечностях, потому что в одной руке у каждого из нас по зажженной свече, при свете которых мы рассматриваем пол. Мы работаем в полнейшей тишине и время от времени задерживаемся, чтобы ощупать пальцами показавшуюся нам подозрительной каменную плиту. Чем это мы заняты, спросите вы? Своим привычным делом — ищем потайной вход в находящуюся под полом могилу.

— До чего же жалко на вас смотреть, ребята, — доносится негромкий голос. — Ну просто плакать хочется.

На гранитной плите посреди мавзолея сидит худой рыжеволосый мужчина — молодой, почти парень. Как и все мы, он одет во все черное — высокие армейские башмаки, черные джинсы, черный свитер с высоким горлом. Правда, в отличие от нас, глаза парня скрыты за тяжелыми выпуклыми очками, которые делают его похожим на удивленного кузнечика. Парня зовут Квилл Киппс. Он сторожит наше сложенное на плите снаряжение для взлома гробниц — веревки, ломы и прочие нужные вещи, — а заодно следит за всем, что происходит внутри мавзолея. Странные очки позволяют Киппсу видеть призраков, которых он уже не способен заметить своими состарившимися невооруженными глазами.

— Что-нибудь видишь, Квилл? — спросил Локвуд, отводя в сторону упавшую на лоб прядь тяжелых волос и перестав на секунду тыкать перочинным ножом в щель между двумя каменными плитами.

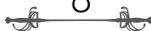
Киппс зажег фонарь, опустил его шторы так, чтобы свет был неярким и падал вниз, посмотрел и сказал:

— Так я много чего вижу, когда вы все на четвереньках. Интереснее всего становится, когда Джордж в поле моего зрения попадает. Очень похоже на то, будто белуга мимо проплывает.

— Я призраков имею в виду.

— Призраков? Нет, призраков нет. Если не считать, конечно, вот этого домашнего питомца, — тут Киппс хлопал ладонью по стоящей рядом с ним на каменной плите большой банке из серебряного стекла. Внутри банки мерцал тошнотворный зеленый свет, а сквозь мутную эктоплазму проглядывал темный череп и жутковатое лицо призрака.

— *Домашнего питомца?! — услышала я у себя в голове шепчущий потусторонний голос. — Домашнего питомца — ну ни фига себе заявочка! Люси, прошу, выпусти меня на ми-*

нуточку, и я покажу этому тощему уроду, какой я домашний питомец!

Я выпрямила спину, сев для этого на свои собственные каблуки, и поправила сбившуюся на лбу челку:

— Лучше не называй череп домашним питомцем, Квилл. Он этого не любит.

— *Точнее сказать — не терплю,* — показал свои неровные зубы призрак. — *И передай своему похожему на рехнувшегося филина приятелю, что, если мне когда-нибудь удастся выбраться из банки, я первым делом высосу до самых костей всю его плоть, а затем станцую чечетку с его пустой шкурой. Передай, обязательно передай ему это.*

— Он что, правда обиделся? — удивился Киппс. — Смотри, как рот-то разевает!

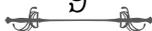
— Скажи ему, скажи!

— Не суетись, — замялась я. — На самом деле все хорошо, не стоит нервничать.

— *Что?! Да как же я могу не нервничать, а?! Этот идиот еще и ладонью по моей банке барабанит! Я что — золотая рыбка в аквариуме? Ну нет, клянусь, что как только мне удастся выбраться на свободу, я самым первым делом схвачу Киппса — да-да, не Джорджа, как я хотел раньше, а именно Киппса — и сдеру с него...*

— Локвуд, — сказала я, поворачивая на крышке банки рычаг, чтобы заглушить разговаривший череп. — Ты уверен, что люк в подземелье должен быть именно здесь? У нас мало времени, ты помнишь?

Энтони Локвуд выпрямился. В одной руке он по-прежнему держал перочинный нож, а другой рассеянно провел себя по волосам. Одет наш лидер был, как всегда, безупречно. Правда, вместо длинного черного пальто на нем сегодня была темная фуфайка из джерси, а на ногах вместо привычных ботинок мягкие бесшумные кроссовки — но это были единственные уступки, на которые Локвуд пошел, со-

бираясь незаконно проникнуть в один из самых знаменитых памятников не только Лондона, но и всей страны.

— Ты права, Люси. — Бледное, с тонкими чертами лицо Локвуда, как обычно, казалось расслабленным, однако едва заметная морщинка над переносицей говорила о том, что он озабочен. — Сто лет уже здесь возимся — и ни одной зацепки. А ты что скажешь, Джордж?

Из-за гранитной плиты показался Джордж Каббинс. На нем была грязнейшая черная футболка, очки съехали набок, светлые волосы потемнели от пота и торчали в разные стороны. В течение последнего часа он занимался тем же, чем и все мы, однако, в отличие от нас, непостижимым образом сумел с ног до головы перепачкаться в пыли, паутине и мышином помете. Впрочем, подобные вещи происходили с ним всегда. Джордж и чистота, Джордж и аккуратность — вещи несовместимые.

— Но ведущий в подzemелье люк упоминается практически во всех отчетах о похоронах, — ответил он. — По-моему, мы просто недостаточно внимательно его ищем. Особенно Киппс, который вообще ничего не ищет.

— Ну-ну, у меня своя работа, и я с ней справляюсь, — возразил Киппс. — А вот почему вы со своей задачей не можете справиться, не знаю. У самих себя спрашивайте. И, между прочим, все мы рискуем этой ночью своей шкурой только потому, что ты сказал, будто здесь есть этот чертов люк.

— Конечно он где-то здесь, — сказал Джордж, задумчиво снимая прилипшую к очкам паутину. — Везде написано, что ее гроб опустили под пол, в крипту. Серебряный гроб. Разумеется, для такой покойницы все было сделано по высшему разряду, и гроб в том числе.

Примечательно, что Джордж не упомянул имя женщины, которая, по идее, должна была лежать в том самом гробу. И что при одном упоминании о том серебряном гробе у меня сжалось все внутри, и я почувствовала то же самое, что

при взгляде на каменную полку, выступающую из дальней стены мавзолея. Точнее, при взгляде на стоящий на этой полке предмет.

Что это был за предмет, спросите вы? Бюст. Железный бюст женщины средних лет, почти пожилой. Лицо строгое и властное, волосы зачесаны назад, открывая высокий лоб. Нос орлиный, губы тонкие, а глаза пронизательные и, кажется, видят тебя насквозь. Это лицо нельзя назвать красивым, но суровым — да, и умным тоже, и внимательным, а еще — хорошо известным всей стране. Мы привыкли видеть его на почтовых марках, оно украшало обложку руководства для агентов-парапсихологов. Это лицо мы с самого детства привыкли видеть повсюду так часто, что оно снилось нам во сне.

Да что там — каждый из нас мог очень много рассказать о Мариссе Фиттис, самой первой исследовательнице-парапсихологе. Вместе со своим партнером Томом Ротвеллом она открыла множество технических приемов борьбы с призраками, которыми мы, агенты-оперативники, продолжаем пользоваться и по сей день. Любой человек в нашей стране знает историю о том, как Марисса Фиттис смастерила свою первую рапиру из выломанной стойки железных лестничных перил, и о том, как она с такой легкостью общалась с призраками, словно те были созданиями из крови и плоти. Разумеется, все помнили, что именно Марисса основала самое первое агентство парапсихологических расследований. И о том, что после смерти легендарной исследовательницы проводить ее в последний путь пришла добрая половина Лондона и толпа наблюдала, как от Вестминстерского аббатства до Стрэнда несут на руках серебряный гроб Мариссы, за которым торжественным маршем следуют представители всех столичных агентств, тоже все помнили. А еще помнили, как под звон колоколов всех лондонских церквей Мариссу похоронили в крипте — подземной усыпальнице ее мавзо-

лея, ставшего с того дня святилищем для основанного ею агентства «Фиттис». Да и для всех жителей Лондона тоже.

Удивительные, красивые, выжимающие слезу истории...

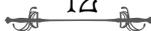
Только вот какая штука — никто из нас четверых не верил, что Марисса Фиттис вообще была когда-либо захоронена в мавзолее, внутри которого мы сейчас стояли. Как известно, сам мавзолей Фиттис находится в восточном конце Стрэнда, в центральной части Лондона. Это прочное каменное сооружение, в котором имеется зал овальной формы, с высоким потолком. Зал этот погружен в вечный сумрак и практически пуст, если не считать установленной в центре него массивной гранитной плиты с выбитой на ее вершине фамилией «Фиттис». Окон в зале нет, а единственная ведущая на улицу железная дверь была сейчас заперта.

Где-то за этой дверью стояли двое часовых — почти дети, однако у них были пистолеты, которыми они могли воспользоваться, если бы услышали шум, так что нам приходилось соблюдать тишину и осторожность. Пол внутри мавзолея был чисто подметен, пахнул лавандой, и на нем — в отличие от других мест, где нам довелось побывать за последнюю неделю, — не валялись ноги, руки и другие части человеческих тел. Так что в этом смысле зал мавзолея Фиттис можно было назвать местом тихим и даже приятным — в известной, разумеется, степени.

Впрочем, нигде не было видно и крышки люка, открывающего дорогу в подземную часть гробницы, а именно она и была целью наших поисков.

Мерцали фонари, а над головами висела тьма, густая и плотная, словно ведьмин плащ.

— Ладно, сохраняем спокойствие, соблюдаем тишину и продолжаем искать, — сказал Локвуд. — Если у кого-нибудь есть предложение лучше этого, готов внимательно выслушать.

— У меня есть, — откликнулась из дальнего угла зала Холли Манро. Она поднялась на ноги и по-кошачьему легко и бесшумно подошла к нам. Как и все мы, она была одета под невидимку — длинные черные волосы связаны в конский хвост, черная курточка на молнии, черная юбка и легинсы. Конечно, можно было бы сказать, как Холли идет этот наряд, — да только к чему напрасно тратить время? Видите ли, Холли умела элегантно выглядеть буквально в любой одежде. Наверное, ей пошел бы даже наброшенный на плечи черный мусорный мешок. Она и в нем каким-то образом умудрилась бы остаться королевой бала. Магия? Может быть.

— Мне кажется, нам необходим свежий взгляд на все это, — сказала Холли. — Как ты думаешь, Люси, твой череп не мог бы нам помочь?

— Попытаюсь, конечно, — пожала я плечами. — Но знаешь, Хол, он сейчас в таком дурном настроении...

Призрачное лицо в банке продолжало сердито шевелить губами. Сквозь него просвечивал привинченный к дну банки темный череп.

Я повернула рычажок, и...

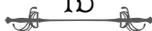
— *...и съем их. А потом заморожу пальцы у него на ногах, чтобы он больше не мог двигаться. Пусть торчит на месте как пенек безмозглый...*

— О, да ты все еще рассказываешь, как собираешься отомстить Кипспу! — сказала я. — А я надеялась, что ты давным-давно выговорился на эту тему и выпустил пар.

— *Так ты что, даже не слушала меня?!* — заморгал призрак, глядя на меня сквозь стекло банки.

— Нет.

— *Как это на тебя похоже! А я-то разливаюсь здесь соловьем, столько любопытных деталей придумал, специально для тебя, а ты...*

— Прибереги свои детали на потом. Мы вход под землю никак не можем найти. Ты нам не поможешь, а?

— Почему я? Как что — так сразу я! И вообще, зачем мне вам помогать, вы же все равно мне не верите!

— Ну, это не совсем так. Чему-то верим.

— «Чему-то верим»! Замечательно! Если бы вы на самом деле мне верили, то сидели бы сейчас у себя дома, в тепле, отравляли бы свои кишки чаем и шоколадным печеньем. Так нет же! Понесло их «проверять и перепроверять» мои слова!

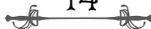
— А что тебя, собственно говоря, удивляет? Ты заявил, что якобы Марисса Фиттис не умерла, что она жива и выдает себя за свою внучку, Пенелопу Фиттис. Ту самую Пенелопу Фиттис, которая возглавляет агентство «Фиттис» и по праву считается одной из самых влиятельных фигур в Лондоне, да и во всей стране тоже. Знаешь, такими заявлениями не разбрасываются, и ты уж нас прости, но мы просто обязаны проверить его.

— Вздор, — закатил свои глаза призрак. — Сказать тебе, как это называется? Черепизм!

— Черепизм? Это что еще за хрень?

— Что такое расизм ты знаешь? А сексизм? Ну вот, а то, чем вы занимаетесь, — это черепизм в самом чистом виде. Вы судите обо мне по моему внешнему виду и не принимаете на веру ни единого моего слова только потому, что я не похож на вас. Потому что я череп, посаженный в банку с зеленой слизью. Ну согласись, что это так!

Я тяжело вздохнула. Мне, как никому, было известно, что сидящий в банке череп выдумщик и враль несусветный. Сказать, что он «слегка приукрашивает» правду — это все равно что сказать, будто Джордж «слегка растягивает» резинку своих треников, когда пытается зашнуровать кроссовки. Но ведь, с другой стороны, череп не раз действительно спасал мне жизнь, а значит, не всегда же он лжет, иногда и правду сказать может?

— Вопрос, конечно, интересный, — осторожно заметила я. — И я готова обсудить его. Но позже. А сейчас мне нужна твоя помощь. Мы ищем вход в подземную часть гробницы.

— *В крипту?*

— Ага. Скажи, ты видишь где-нибудь кольцо или ручку?

— *Нет.*

— А рычаг?

— *Не-а.*

— А лебедку, ворот или еще какой-нибудь механизм, с помощью которого можно открыть потайной люк?

— *Нет. Разумеется, нет. Все твои вопросы ни о чем.*

— Ясненько, — вздохнула я. — Выходит, нет здесь никакого люка.

— *Почему? Само собой, здесь есть потайной люк,* — сказал призрак. — *Но ты же про него меня не спрашиваешь, идиотка! Спрашиваешь про какие-то лебедки.*

Я передала слова черепа своим друзьям. Кроме «идиотки», конечно. Холли и Локвуд, не сговариваясь, вспрыгнули на гранитную плиту и сели рядом с Киппсом. Локвуд взял один из фонарей и начал медленно описывать его лучом круг на полу, внимательно следя с Холли за конусом света, который медленно полз все дальше, к основанию стен мавзолея.

— *Тоска с вами!* — сказал череп. — *Пусть у меня нет глаз, но все равно я его вижу прямо перед собой. Ладно, все. Прости, но дальнейших подсказок ты от меня не дождешься. Детский сад какой-то!..*

— Есть! — воскликнула Холли, хватая Локвуда за руку. — Вот он! Видишь вон ту плиту, которая вписана внутрь большой плиты? Большая плита — это и есть люк. А маленькую нужно поднять, и под ней мы найдем кольцо, ручку или еще что-то в этом роде.

Мы с Джорджем подбежали к плите, на которую указывала Холли, и я с первого взгляда поняла, что она права.

